

Первым прибытие Тань Юмина в скаковой клуб заметил жеребёнок Тоффи. Лошади бывают куда проницательнее людей: едва завидев Тань Юмина, жеребёнок бросил конюха и бросился к нему. Его красивая грива развевалась, придавая ему величественный вид.

— Эй, эй, — со смехом Тань Юмин обнял жеребёнка за шею, а затем слегка отстранил его. — Не раздави меня, я уже не могу тебя поднять.

Хотя Тоффи был всего лишь молодым конём, которому не исполнилось и пяти лет, он уже успел показать блестящие результаты в клубных соревнованиях второго уровня и скачках с препятствиями. Его габариты нельзя было недооценивать.

Менеджер конного завода вышел к нему навстречу со своими людьми. Он широко улыбался, а его голос гремел, как колокол:

— Господин Тань, давно вас не было.

Тань Юмин изогнул губы в улыбке и пожал ему руку:

— Дела.

Менеджер Хуан протянул ему сигарету и сказал на не слишком правильном путунхуа:

— Из-за дел нельзя забывать про нашего Тоффи. Он каждый день вытягивает шею, высматривая вас.

Тань Юмин рассмеялся, зажав сигарету в зубах.

— И мы вас каждый день ждём. — Из всех этих молодых господ менеджер больше всего любил Тань Юмина.

— Правда? Видимо, теперь придётся заезжать почаще, — Тань Юмин покрутил сигарету в пальцах, похлопал коня по крупу и обошел его кругом. — Поправился. Как его рана на ноге?

Менеджер Хуан, следуя за ним по пятам, ответил:

— Ахиллово сухожилие уже зажило. Господин Шэнь каждый месяц присылает ветеринара для осмотра. Врач сказал, что нужно подождать ещё полмесяца, и можно будет начинать реабилитацию. Конкретные ежемесячные показатели и данные о восстановлении тоже находятся у господина Шэня.

— Отлично, — Тань Юмин махнул рукой и похлопал коня по морде. — Хорошенько заботьтесь о нём.

Менеджер Хуан поручился:

— Уж мы-то точно поставим его на ноги, будет полон сил и энергии! Ещё через какое-то время, когда он почти восстановит свою скорость, можно будет отправить его на ваши уголья в Инси.
— У Тань Юмина в Инси был свой ипподром, по масштабам превосходящий этот. — А если захотите оставить его здесь, то без проблем. Выделим людей для специальных тренировок.

Но Тань Юмин отверг оба варианта:

— При переезде ему придётся заново привыкать к обстановке. Пусть восстанавливается здесь. С тренировками и расписанием соревнований спешить некуда.

Менеджер понял его мысль:

— Договорились.

Скачки — это роскошная, но жестокая игра. Многих скакунов, получивших травму во время забега, уводили за пределы поля и сразу же усыпляли.

Работники конного завода говорили, что Тоффи — самая удачливая лошадь во всём Шаване. Он спасся лишь благодаря тому, что случайно приглянулся господину Таню. А ведь он был самым строптивым и непокорным скакуном. К тому же он однажды обогнал номер двадцать три, на который в тот день поставил господин Тань, из-за чего тот проиграл кучу денег.

Однако у господина Таня был странный характер: он настоял на том, чтобы потратить огромные деньги на спасение лошади-соперника. Людям на конном заводе ничего не оставалось, кроме как подчиниться его приказу и беречь коня как зеницу ока.

Лечение переломов у скаковых лошадей обходится очень дорого. Тань Юмин боялся, что они не будут стараться изо всех сил, поэтому поручил:

— Если что-то понадобится, говорите моему помощнику.

— Не волнуйтесь, господин Тань. Господин Шэнь каждые полмесяца просит госпожу Чжун связываться с нами.

— Хорошо. — Тань Юмин пошёл вверх по ступенькам. Тоффи послушно последовал за ним шаг в шаг. Тань Юмин громко рассмеялся, когда жеребёнок ткнулся в него мордой, и упёрся рукой ему в лоб: — Возвращайся. В следующий раз навещу тебя.

Тоффи хотел было пойти следом, но конюх его удержал. Тань Юмин посмотрел на открытые трибуны:

— А откуда здесь пресса?

— Сегодня здесь дебютирует в скачках с препятствиями звёздный чистокровный скакун Дарли из Британского королевского скакового центра. Будет трансляция.

Менеджер Хуан показывал дорогу. Шутя и болтая по пути, он провёл его на этаж владельцев лошадей из совета директоров.

— Господин Се и остальные уже внутри. Если что-то понадобится, звоните в любой момент.

Тань Юмин кивнул и толкнул дверь. Внутри было около десятка человек, стоял гул. Се Чжэньлинь и Ли Байхао торчали по обе стороны от дверей. Он приподнял бровь:

— К чему такие почести?

Лица парней просияли от радости:

— Если бы ты не пришёл, мы бы уже отправили А-Линя вниз тебя искать.

Тань Юмин был лёгок в общении, но разница в их происхождении и статусе давала о себе знать. Встретиться с ним было не так-то просто.

Тань Юмин усмехнулся и нарочито спросил:

— И почему же не пошёл?

Ли Байхао заглянул ему за спину и, лишь убедившись, что там никого нет, расслабился и с заискивающей улыбкой ответил:

— В следующий раз, в следующий раз. — С этими словами он велел стоящей рядом девушке налить Тань Юмину вина.

Тань Юмин искренне недоумевал:

— Вы настолько его боитесь?

— Дело не в страхе, — парни переглянулись и, кривя душой, сказали: — Это... уважение.

Каждый раз, когда этот человек приезжал на пьянку забрать Тань Юмина, все сидели прямо, как по струнке.

Будь то ночной клуб с диковинными шоу или бурная вечеринка в открытом море — этот человек мог в любой момент увести Тань Юмина. А остальные не смели и пикнуть, хотя внутри всё кипело от возмущения.

Тань Юмин сразу же сел на главное место, которое ему оставили, закинул ногу на ногу и насмешливо бросил:

— Эх вы, слабаки.

Снаружи, с открытых трибун, донеслись свист и крики. На гигантском центральном экране

начали прокручиваться номера, клички, породы, места рождения и недавние коэффициенты ставок лошадей на восьми дорожках.

Девушка в кружевном костюме для верховой езды, закончив разливать алкоголь, достала поднос и стала собирать фишки для ставок у богатеньких сынков.

Волнение снаружи проникло внутрь, атмосфера накалилась. Кто-то сквозь шум громко спросил:

— Молодой господин Тань, на кого ставите?

Тань Юмин вообще не вглядывался в экран. Он провёл пальцем по чату, в котором так и не получил ответа, поднял голову, мельком взглянул на табло и небрежно бросил:

— Пусть будет седьмой номер.

Спрашивавший присвистнул:

— Настолько строптивного?

Лошади породы фолиланс обладали характеристиками лабрадоров-ретриверов: чем сложнее и ухабистее была местность, тем сильнее проявлялась их взрывная сила. Но из-за своего непокорного нрава они постоянно создавали проблемы, часто нарушали правила и вовсе не были фаворитами на скачках.

Тань Юмин убрал телефон, хмыкнул и улыбнулся:

— А мне как раз нравятся строптивные.

Строптивный он или нет, но то, что он красавец — это факт.

В беге седьмой номер выглядел великолепно: он вскидывал копыта, задирает хвост, двигался дерзко и непринуждённо, всем своим видом излучая невероятное высокомерие.

А Тань Юмин любил красивых.

Остальные почти все взяли ставку PLA, поставив на главную звезду — Дарли. Для выигрыша PLA лошади нужно было лишь войти в тройку лидеров, поэтому шансы на победу были очень высоки.

Тань Юмин же настоял на ставке WIN. Он поставил на то, что слегка неадекватный седьмой номер придёт первым, но при этом победа или проигрыш его не особо заботили.

Дистанция составляла 2400 метров. Посмотрев на скачки совсем недолго, он снова опустил голову, чтобы отправить только что сделанные фотографии.

[Картинка]

[Картинка]

[Картинка]

[Грива отросла, а вместе с ней вырос и гонор.]

[А вот глаза у него очень красивые.]

[По-моему, эти конюхи с ним не справляются.]

Затем он переслал несколько фотографий конной амуниции. Всё это он велел отобрать своему тренеру.

[Выбери что-нибудь одно.]

Девушка в кружевном костюме для верховой езды вернулась к нему и протянула вино. Тань Юмин знал, что это Ли Байхао специально её приставил к нему, поэтому не стал отказываться и сделал глоток.

— Господин Тань не желает повысить ставку или сменить её?

— Мм? — Тань Юмин, не поднимая головы, продолжал отправлять фотографии. — Я менять не буду. Если хочешь повысить — повышай сама, запиши на мой счёт.

Если сотрудницам скакового клуба удавалось уговорить гостя сделать повторную ставку, они получали процент.

Девушка радостно ответила:

— Большое спасибо, господин Тань.

Тань Юмин листал экран телефона:

— Пустяки.

Десяток сообщений канули в лету, оставшись без ответа, но это не мешало Тань Юмину вести беседу с самим собой.

[Может, это?]

[Или вот это?]

[Двух хватит?]

[Скелет Тоффи, наверное, ещё подрастёт.]

[Сёдла тоже купим два.]

Те, что приготовили конюхи, были слишком уродливыми. Тань Юмин на них смотреть не мог.

Один забег длился полчаса. Снаружи уже стоял оглушительный рёв. В перерыве в ожидании следующего заезда Ли Байхао открыл несколько бутылок дорогого вина. Когда Тань Юмин снова поднял голову, несколько человек напротив уже пили со своими спутницами из одного бокала, передавая вино изо рта в рот.

Девушка рядом с Тань Юмином тоже подняла бокал, желая с ним выпить. Тань Юмин убрал телефон, взял бокал и сказал, что в этом нет нужды:

— Иди, позови ко мне господина Се.

Се Чжэньлинь как раз разговаривал по телефону. Когда его позвали, он вернулся и плюхнулся на диван:

— Брат.

Заметив, что вино перед Тань Юмином осталось нетронутым, он велел принести ему стакан лимонного чая.

Тань Юмин сделал глоток — вкус был не тот. Он отставил стакан и подшутил над ним:

— Отчитывался?

Се Чжэньлинь смущённо почесал затылок:

— Не смейся надо мной, брат.

— Так что... они согласились?

Улыбка Се Чжэньлиня слегка поблекла:

— Всё по-старому.

Тань Юмин не стал расспрашивать дальше и лишь сказал:

— Если что, обращай ко мне.

Се Чжэньлинь залпом выпил полбокала вина и вздохнул:

— Мне больше не к кому идти, брат.

Его семья узнала о его отношениях с Фан Суем. Молодой человек был не в силах противостоять давлению клана. Его карьера оказалась на грани краха: финансовая цепочка компании

оборвалась ещё в первой половине года. Фан Суя отстранили от нескольких крупных показов, его карьера модели висела на волоске. Если бы не Тань Юмин, возможно, он бы уже исчез из Хайши.

Тань Юмин посмотрел на его растерянное и подавленное лицо. Его губы дрогнули, но он всё же ничего не сказал, а тихо спросил о другом:

— Что там с той картиной, которая в прошлый раз не ушла с молотка?

Под звуки свистков и гама Се Чжэньлинь посмотрел на Тань Юмина. И только сейчас, в этот самый момент, до него наконец дошло, зачем тот сегодня пришёл.

Тань Юмин вовсе не на лошадей пришёл смотреть.

— Это случилось, когда мы ужинали. Мой друг из аукционного дома опоздал и сказал, что это из-за того, что они два дня подряд проводили торги, но так и не смогли продать лот. Кто-то спросил, что за картина. У их аукционного дома очень высокий статус, лоты редко остаются нераспроданными.

— Друг сказал, что это картина «Тушечница Баоцзюй», приписываемая кисти Сунь Чжэня эпохи Юань.

«Тушечница Баоцзюй» состояла из семнадцати свитков. За исключением утерянного одиннадцатого и последнего свитков, все остальные хранились в семье Шэнь.

В своё время наследство семьи Шэнь распределили так: львиная доля акций досталась младшему внуку, а каллиграфия, картины, антиквариат, наличные деньги и движимое имущество были поделены между остальными.

Се Чжэньлинь продолжил:

— Но он подчеркнул: «приписываемая кисти Сунь Чжэня». Это значит, что их аукционный дом не может провести стопроцентную экспертизу и гарантировать, что это подлинник. Я спрашивал его: клиента, выставившего её на торги, зовут не Шэнь, и его имя не Шэнь Сяочан.

Это имя исчезло из Хайши почти десять лет назад.

— Но, брат, ты же знаешь, сейчас существует целая преступная схема по сокрытию и контрабанде культурных ценностей через границу. После нескольких перепродаж через посредников найти первоначального владельца просто невозможно.

Тань Юмин, постукивая пальцами по подлокотнику, молчал.

— Очень часто используют подделки и фальшивки, чтобы прощупать почву. — Древняя каллиграфия и картины, поступающие из-за рубежа, могли продаваться по искусственно завышенным ценам, что также было одним из стандартных способов обналичивания и

отмывания денег.

— Эй, постой, брат, — спохватился Се Чжэньлинь. — О таких вещах тебе следовало бы спросить господина Цзяна.

Тань Юмин не ответил. Цзян Ин и Шэнь Цзуннянь были слишком хорошо знакомы.

Се Чжэньлинь напомнил:

— В этом году предстоят перевыборы в торговой палате. Да и права на ведение игорного бизнеса тоже будут выставлены на новый тендер.

Наступают беспокойные времена.

Тань Юмин пожал плечами, всем видом показывая безразличие:

— Перевыборы так перевыборы. — Беспокоиться было не о чем. Он бросил взгляд на чат, в котором так и не появилось ответа, и расспросил Се Чжэньлиня кое о чём другом.

Когда вечерние скачки закончились, Тань Юмин встал и сказал, что уходит. Все стали горячо уговаривать его остаться. Тань Юмин не задирает нос, умеет веселиться и был верным товарищем. Даже если отбросить желание выслужиться перед семьей Тань, многие искренне хотели тусоваться в его компании.

— После ночных заездов будет ещё конное шоу Королевского клуба! Молодой господин, останьтесь ещё ненадолго, мы так давно не виделись. А после полуночи можем выйти в море.

— Ого, какие грандиозные планы, — Тань Юмин небрежно закинул куртку на плечо. — У меня дела. Развлекайтесь, сегодня я угощаю.

Компания действительно не хотела его отпускать, забрасывая льстивыми уговорами. Тань Юмин полушутя-полусерьёзно, одним махом пресёк все попытки:

— Если не отпустите, я позвоню, чтобы меня забрали.

Тут же все затихли.

Тань Юмин усмехнулся и ткнул в них пальцем:

— Эх вы, слабаки.

Се Чжэньлинь понимал, что тот действительно уходит: Тань Юмин почти никогда не оставался с ними на всю ночь.

— Брат, я тебя провожу.

— Зачем провожать, развлекайся.

Но Се Чжэньлинь настаивал:

— Ничего, я провожу. — Неизвестно, когда им удастся увидеться в следующий раз.

Тань Юмин хотел было возразить, но Се Чжэньлинь добавил:

— Проведу тебя через коридор для совета директоров. На трибунах слишком много народу.

Тань Юмин посмотрел на него с неодобрением. Бизнес Се Чжэньлиня находился на стадии восстановления, и сегодня именно он организовал эту встречу. Бросить полную комнату гостей было бы верхом неприличия.

Се Чжэньлиню это не понравилось, но он всегда прислушивался к Тань Юмину, поэтому ему пришлось позвать девушку в костюме для верховой езды и поручить ей:

— Проводи господина Таня через выход для совета директоров. В обход трибун.

— Хорошо.

Тань Юмин повернулся, махнул рукой и ушёл.

Дверь закрылась.

— Хватит пялиться, он уже ушёл, — прямо сказал Чжан Цзюньцянь девушке, сидящей в его объятиях. — Ты ему не приглянулась, он тебя не заберёт.

Девушка поспешно оторвала взгляд от двери, выдавив на лице испуганную улыбку.

Чжан Цзюньцянь усмехнулся. Ему не нужно было смотреть на неё, чтобы понять, о чём она думает. Словно желая пресечь её фантазии на корню, он напомнил:

— Это Тань Юмин.

Девушка мгновенно пришла в себя.

Днём, во время шестого заезда, несколько лошадей неожиданно проиграли. Один из гостей, крупно проигравшись, разозлился и был готов устроить скандал. И только потому, что этот молодой человек случайно пролил безалкогольное вино, ей удалось избежать неприятностей.

Этот мужчина от начала до конца выглядел расслабленным. Он был очень щедр на чаевые.

Когда он изредка громко смеялся, всё его лицо озарялось светом. А когда он небрежно поднимал свои «персиковые» глаза и бросал на кого-нибудь ленивый взгляд, лицо бросало в жар, а сердце начинало биться быстрее.

Оказывается, это и был тот самый господин Тань.

<http://bllate.org/book/17117/1599290>